

С. Шевчук

Николай Бердяев

Николай Александрович Бердяев считал человека существом противоречивым. Не удалось и ему избежать противоречий. В его характере, например, удивительнейшим образом сочетались гордость и смирение. Будучи человеком гордым, он всегда старался не выделяться среди людей, с которыми общался, более того, пытался выглядеть человеком средним. Никогда не показывал свое интеллектуальное превосходство, из этих побуждений часто вел незначительные разговоры. Возможно, таким образом Бердяев охранял свой внутренний мир.

Его пленяла слава князя Андрея и Толстого, но сам Николай Александрович никогда не искал известности. Ему даже казалось, что его мировая слава ограничивает свободу его мысли.

Он искал смирения при воинственном характере, был вспыльчив, несдержан. В молодости часто носил при себе револьвер, но чувствовал сходство с Толстым в отвращении к насилию.

Он был бойцом по темпераменту, но часто не доводил свою борьбу до конца, воинственность сменялась философским созерцанием.

Он был требователен к себе. Укорял себя, считая, что не реализовал полностью своих возможностей и не был до конца последователен. Кающийся аристократ, в своем смирении он не прощал себе некоего барства, скорее даже метафизического, чем реального. Считал, что если бы не аристократическое происхождение, то был бы менее сложен и чувствителен, более сосредоточен и последователен.

Он был смелым, не прекращал работать при артиллерийском обстреле, но панически боялся болезней. При внешней холодности, был очень заботливым человеком.

Очень сильным у Бердяева было сознание своего призвания. Он больше всего любил философию, но не занимался исключительно философией; Николая Александровича не привлекала социальная сторона жизни с ее условностями, лицемерием, жестокостью, иначе и быть не могло для человека, искавшего справедливости и гармонии, но, борясь за свободу в любых ее проявлениях, он был вынужден публично выступать, отстаивать свои взгляды перед обществом, а значит, участвовать в социальной жизни. Он не был человеком выдержанного стиля, у него было интуитивное мышление. Бердяев доказывал свою мысль частыми повторениями, скорее эмоционально, чем логически, не обращая

внимания на противоречия, шел в своих рассуждениях дальше. В этом заключалась его сила духа, его независимость — он просто не мог вместить себя ни в какие рамки, да и не стремился к этому...

* * *

Николай Бердяев родился 18 (6 — по ст. ст.) марта 1874 года в Киеве в старинной дворянской семье. Род Бердяевых, известный со второй половины XV века, упоминался в Гербовнике.¹ Впоследствии, будучи уже взрослым человеком, Бердяев скажет, что не может помнить своего первого крика, но будет утверждать, что чувствовал и знал: мир, в который он пришел, — ему чужой.

Семья Бердяевых была славна военными традициями. Прадед будущего философа, Н. М. Бердяев, был генерал-аншефом и новороссийским генерал-губернатором, дед, М. Н. Бердяев, атаманом Войска Донского. За участие в

¹ *Гербовник* — свод гербов родов, городов и т. д., содержащий их изображение и геральдическое описание. В России гербовники были известны с XVI века, а «Общий гербовник родов Российской империи» был учрежден указом Павла I 20 января 1797 года.

Кульмском сражении² М. Н. Бердяев, молодой поручик кавалергардского полка, командовавший целой частью, был награжден прусским Железным крестом и крестом Святого Георгия. Солдаты полка, которым впоследствии командовал М. Н. Бердяев, поднесли ему медаль в форме сердца с надписью: «Боже, храни тебя за твою к нам благодетель». В Новочеркасске, на парад войск (М. Н. Бердяев был тогда уже атаманом Войска Донского), приехал Николай I, и когда государь обратился к нему с тем, чтобы привести в исполнение предписание об уничтожении казацких вольностей, М. Н. Бердяев ответил, что считает вредным такой приказ и попросил уволить его в отставку. Николай I отменил свое распоряжение.

Все предки Николая Бердяева начинали службу в кавалергардском полку. Александр Михайлович, его отец, тоже был кавалергардом, но стремление к военной карьере у него было слабее, чем у славных предков, он рано вышел в отставку и поселился в своем имении в Обухове. Какое-то время Александр Михайлович был предводителем

² *Кульмское сражение* — разгром 29–30 августа 1813 года русско-прусско-австрийскими войсками французского корпуса под командованием генерала Вандама под Кульмом (ныне Чехия).

дворянства, во время Русско-турецкой войны 1877-878 годов вернулся на военную службу, после окончания кампании в течение 25 лет занимал пост председателя правления Земельного банка Юго-Западного края. Но и на этом поприще он не захотел делать карьеры и отказался от положенного ему чина за то, что более двадцати лет был почетным мировым судьей.

Александр Бердяев слыл человеком добрым, но вспыльчивым. Эти черты передались по наследству и Николаю. Старший брат Николая был не совсем здоровым психически, иногда у него случались припадки ярости.

Мать Николая Бердяева, Алина Сергеевна, урожденная княжна Кудашева, происходила из рода графов Шуазель-Гуффье. Очень красивая женщина, она чувствовала себя более француженкой, чем русской. Юность она провела в Париже, всю жизнь писала письма по-французски, — по-русски грамотно писать так и не научилась. Крещенная в православии, Алина Сергеевна склонялась к католической вере и молилась по французскому католическому молитвеннику своей матери, графини Шуазель. Неудивительно, что в доме Бердяевых говорили больше по-французски, чем по-русски.

Родители Николая Бердяева принадлежали к светскому обществу, обладали большими

аристократическими связями — отчасти родственными, отчасти приобретенными на службе. Семья Бердяевых была дружна с обергофмейстериной³ княгиней Кочубей, имевшей огромное влияние на Александра III. Дворцовый комендант, генерал-адъютант Черевин, тоже близкий Александру III, был сослуживцем Александра Бердяева по кавалергардскому полку. Княгиня Лопухина-Демидова приходилась кузиной матери Николая Бердяева, а муж княгини, также товарищ Александра Бердяева по кавалергардскому полку, был крестным отцом Николая.

Первое детское воспоминание Николая Бердяева связано с его няней, Анной Ивановной Катаменковой, — он шел с ней по аллее сада в Обухове, на берегу Днепра, и было ему три или четыре года. Анна Ивановна, женщина горячо верующая, добрая и заботливая, бывшая крепостная деда Николая, выпестовала два поколения Бердяевых. Её, как и многих нянь в русских домах, считали не прислугой, а членом семьи.

³ *Обергофмейстерина* — высшее придворное звание и должность для дам в Российской империи. В ведении обергофмейстерины находился придворный дамский штат и канцелярия императрицы.

Бабушка Николая жила в собственном доме в Печерске, старинной части Киева, где расположена Киево-Печерская лавра, Никольский монастырь, другие церкви. При этом Печерск является еще и военной крепостью. На улицах часто можно было увидеть военных и монахов. Николаю исполнилось шесть лет, когда умерла его бабушка по отцовской линии. Мальчика поразило, что ее хоронили в монашеском облачении, по монашескому обряду. Оказалось, что бабушка Николая еще при жизни была в тайном постриге. Бабушка его матери тоже стала монахиней, в доме висел ее большой портрет в монашеском облачении. Без сомнения, в какой-то степени детские впечатления повлияли на становление мировоззрения будущего философа.

Дела Александра Бердяева были запутаны, семье грозило разорение. Имение в Обухове продали и купили в Киеве дом с садом. Александр Бердяев сожалел о своем родовом имении всю жизнь. А маленький Николай мечтал, что его отец купит новое имение, пусть гораздо скромнее, но обязательно рядом с лесом. Он полюбил лес на всю жизнь, и скучал без него. Александр Бердяев владел еще одним имением, майоратным, в Польше, на границе с Германией. Его сдавали в аренду. Майоратное имение нельзя было ни продать, ни заложить, и только это спасало семью от полного разорения.

Бердяевы часто бывали за границей. Мать Николая была больна и ездила в Карлсбад на воды лечить печень. Первый город за границей, который запомнил Николай, была Вена, очень понравившаяся мальчику. Он дорожил впоследствии своими детскими воспоминаниями, считая, что именно в это время происходит становление характера человека.

Лето маленький Николай проводил в имении тети, Ю. Н. Гудим-Левкович. Позже он сопоставлял нравы своей семьи и семьи Гудим-Левковичей. Его семья казалась ему невеселой, впоследствии он будет сравнивать ее с обстановкой, схожей с романами Достоевского, — мальчик видел некоторый надрыв, неблагополучие, заключавшееся в неприспособленности своих родных к переменам, слишком сильную впечатлительность близких, конфликты отца с обществом, тяжелые отношения со старшим братом Николая, ⁴ человеком несомненно талантливым, но нервнобольным. В семье Бердяевых была какая-то тяжелая, гнетущая обстановка, несмотря на то, что родители и дети любили друг друга. Дом же Гудим-Левковичей

⁴ Старший брат Николая Бердяева — Сергей Бердяев (1860–1914) — врач, журналист, поэт, поэт-переводчик, псевдоним Аспид (всего известно 34 его псевдонима).

казался ему светлым и беззаботным, в нем было много молодежи и, соответственно, веселья. Николай был дружен с кузинами, общество девочек всегда привлекало его гораздо больше, чем общество мальчиков.

Графиня Марья Евстафьевна Браницкая, урожденная княжна Сапега, приходилась кузиной матери Николая, а муж графини — двоюродным дядей Бердяевой. Это была аристократия, принадлежащая к высшему свету. Они находились в родстве с царской семьей — гетман Браницкий женился на дочери Екатерины II и Потёмкина.

Браницкая была очень богата. Ей принадлежало 60 000 десятин в Киевской губернии, она владела дворцами в Варшаве, Париже, Ницце и Риме. Под Белой Церковью располагался летний дворец Браницких, Александрия, построенный в стиле барокко, с одним из лучших парков не только в России, но и в Европе, с огромными конюшнями породистых лошадей. Здесь часто устраивались грандиозные охоты, на которые съезжалась аристократия Юго-Западного края. Николай с матерью осенью постоянно жили у Браницких, в павильоне, предоставленном специально для семьи Бердяевых. В распоряжении мальчика был кабриолет с двумя пони и ослик. Николай сам правил и ездил в лес за грибами в сопровождении

кучера, одетого в польскую ливрею. На ослике мальчик катался по парку.

Николаю очень нравилось гулять по чудесному парку Александрии — в уединении так легко мечталось об ином мире, который, по сути, всегда был рядом с ним. Он ощущал себя как на пересечении двух миров — этого, реального, и другого, мира духа и мечты. Мир иной переживался им, как более настоящий. Он никогда не давал этому миру точного определения, считая, что не следует четко оговаривать то, что принадлежит тайне. Отголоски своим мыслям о противопоставлении миру лживому мира подлинного, божественной природы Николай часто находил в творчестве Л. Толстого, сравнивая князя Андрея Болконского в петербургском салоне и на поле сражения под Аустерлицем. Действительности Николай противопоставлял мечту, считая ее в какой-то мере более подлинной, чем действительность. В то же время у него всегда было сильно развито чувство реальности, он не искал иллюзий и не идеализировал окружающее. Он просто хотел приблизить реальный мир к миру иному, изменить реальный мир словом, мыслью.

В доме Бердяевых часто болели. С детских лет Николаю была внушена мысль, что жизнь — это болезнь. У Алины Сергеевны, как уже упоминалось, была тяжелая болезнь печени. По

ночам, когда у нее случались припадки, мальчик слышал крики матери и боялся, что она умрет. Отец тоже постоянно лечился. У совсем маленького Николая была ревматическая горячка, и в течение года он был прикован к постели. Неудивительно, что Бердяев вырос мнительным человеком, и всю жизнь боялся болезней. У него не было страха смерти, но он боялся заразиться тифом или дифтеритом. Даже грипп внушал ему ужас. И еще больше он боялся, что заболеют его близкие.

Николая никогда ни к чему не принуждали и не наказывали. Из гордости мальчик вел себя так, что у взрослых не было поводов для порицания. Он никогда не капризничал, не плакал, не шалил, но был подвержен припадкам вспыльчивости. Его отца, Александра Бердяева, всегда пугало, когда его сын белел от ярости. Мальчик рос очень свободолобивым. Он создавал свой собственный внутренний мир, который противопоставлял миру внешнему. Николай любил обустраивать свою комнату сам, дорожил своими вещами. С детства он собирал собственную библиотеку, и был очень аккуратен, составлял распорядок дня, требовал, чтобы его письменный стол оставался в неприкосновенности. Это была как бы обратная сторона его свободы — он ограничивал себя сам. Александр Бердяев очень любил своего младшего сына, и со временем эта привязанность только

крепла. С матерью же отношения складывались иначе. Она была легким и в то же время очень добрым человеком, но много времени уделяла светской жизни.

В юности у Николая Бердяева были самые разные увлечения. Его, например, интересовали ремесла. Он пытался быть и столяром, и маляром, и штукатуром. Особенно ему нравилось столярное ремесло, он даже обучался ему в мастерской и самостоятельно делал рамки, стулья. Одно время стал огородником и сажал разные овощи.

* * *

С детских лет Николай Бердяев за заслуги предков был зачислен в пажи. Так как его семья жила в Киеве, он поступил в Киевский кадетский корпус с тем условием, что в любой момент может быть переведен в Пажеский. Для мальчика было сделано исключение: он жил дома и был приходящим учеником. В корпусе ему не нравилось. В первую же перемену между уроками Николай, оказавшись в толпе кадетов, почувствовал себя несчастным и совершенно одиноким. Во-первых, он, как уже говорилось, не любил общества мальчиков-сверстников. Во-вторых, кадеты показались ему грубыми, недалекими, пошлыми, а он был очень чувствительным

ребенком. В-третьих, у Николая с детства был нервный тик, и над ним стали смеяться. В-четвертых, у него перед остальными были привилегии — он был паж, будущий гвардеец, тогда как вокруг преобладали отпрыски армейских династий. Все это не способствовало желанию мальчика учиться в Кадетском корпусе и стремиться сделать военную карьеру.

Юный Бердяев очень много читал. Герои романов и драм казались ему более реалистичными, чем окружающие люди. У него была любимая кукла-офицер. Николай придал ей черты характера, которые ему нравились. Очень рано он прочитал «Войну и мир», и кукла получила имя — Князь Андрей. Николай жил в своем, особом мире, отзываясь душевно более на созданное его воображением, нежели на действительность. Но эта жизнь не воспринималась им как фантазия, она была для него так же реальна, как и все, что окружало его. Он был убежден, что воображение — это прорыв из этого мира в иной. И в то же время у Николая не было чувства нереальности действительности — только отчуждение к ней. Он не находился во власти иллюзии, просто действительность казалась ему далекой, чужой. Учился Николай всегда посредственно. Однажды, занимавшийся с ним домашний репетитор пришел к отцу своего подопечного и сказал, что ему тяжело

преподавать такому неспособному ученику. Возможно, мальчик производил в то время именно такое впечатление, ведь он не мог решить ни одной математической задачи, выучить ни одного стихотворения, делал много ошибок в диктантах. И все же у него были кое-какие преимущества перед кадетами, когда он поступил в корпус. Николай с детства говорил на французском и немецком языках, знал теорию математики и мог как-то выкручиваться, когда ему надо было отвечать, не умея решать задачи. Он не владел орфографией, но неплохо писал сочинения. Лучше всего он успевал в истории и естествознании. Преподавание в Киевском кадетском корпусе было на должном уровне, среди преподавателей — приват-доценты университета.

Неуспехи Николая на самом деле объяснялись не тем, что он был неспособным учеником. Он воспринимал только то, что его интересовало. Он не мог просто зубрить, ему тут же хотелось в ответ на прочитанное развить собственные мысли. Экзамены были для него мукой. Однажды на экзамене по Закону Божьему кадет Бердяев получил единицу, и это по двенадцатибалльной системе. Такого в корпусе еще не случалось. Николай не мог конспектировать книги. Внутренне он не признавал никакого учителя и педагога. Его отвращение к принуждению уже в том возрасте вылилось в поиск

внутренней свободы, пока еще свободы в познании — он стремился учиться только тому, чему хотел. Способности юноши проявлялись только тогда, когда он мог развить собственные мысли, а не повторять чужие. Он всегда сам составлял себе план занятий.

Николай очень хорошо ездил верхом и стрелял в цель. Это были единственные физические упражнения, которые он любил. Гимнастика казалась ему скучной, танцы не нравились, балы казались унылыми. Николай начал учиться верховой езде с девяти лет. Его обучал казак. Николай умел ездить и по-казачьи и по-кавалерийски. Особое наслаждение ему доставляла быстрая езда.

В течение шести лет Николай Бердяев учился строевой службе, и с завистью смотрел на студентов. Антипатия ко всему, связанному с армией, останется у него на всю жизнь. Позже его настроение портилось только от того, что ему на улице встречался человек в военной форме.

Одно время Николай увлекся живописью. У него были довольно серьезные способности к рисованию. Три года юноша учился в художественной школе, начал писать масляными красками. В Кадетском корпусе по рисованию был одним из первых. Но, видимо, настоящего таланта у него не было, а были способности и поиск себя, и

как только он осознал свое истинное призвание, то сразу оставил живопись.

Чтение книг, размышления привели к тому, что однажды к Николаю пришла мысль: пусть он и не знает смысла жизни, но его поиски уже дают этот смысл, и этому можно посвятить всю жизнь.

Однажды почувствовав призвание к философии, Николай больше не задумывался, каким путем идти. Под философским призванием он понимал поиск истины и раскрытие смысла жизни, и вовсе не собирался становиться профессором или академиком. Это было ему так же чуждо, как и карьера военного. У его отца была очень хорошая библиотека, и неудивительно, что философские книги Николай начал читать очень рано как для мальчика своего возраста. Он прочитал Шопенгауэра, Канта и Гегеля когда ему было четырнадцать лет. Все это способствовало формированию в нем своего внутреннего, субъективного мира, который Николай противопоставлял действительности, миру объективному. Созерцая окружающий мир, он воспринимал действительность только через свое отношение к ней.

Николай воспитывался на русской литературе. Огромное влияние на Бердяева, как уже отмечалось, оказало творчество Л. Толстого и Достоевского. Понятие родины у Бердяева связано

с «Войной и миром». Он всегда интересовался судьбами великих людей, но своих героев выбирал не среди завоевателей и государственных деятелей, а преклонялся перед гениями мысли. В то время очень популярной была серия книг издателя Флорентия Павленкова «Жизнь замечательных людей», насчитывавшая более 200 томов. Николай покупал эти книги, он с увлечением следил за судьбами замечательных, необыкновенных людей, вместе с ними переживал трагизм их судьбы. Юноша, осознавший свое предназначение, искал в них союзников. Больше всего в мировой литературе он любил пророков и книгу Иова, греческую трагедию, Сервантеса, Шекспира, Гете, Байрона, Гофмана, Диккенса, Бальзака, Гюго, Ибсена. С удовольствием читал исторические романы В. Скотта и А. Дюма. Из русской литературы, кроме Достоевского и Л. Толстого, более всего ему был близок Лермонтов, очень любил Тютчева.

С чтением Гегеля связан забавный эпизод. Николай ухаживал за одной из своих кузин. У нее, по моде того времени, была маленькая книжка в синем бархатном переплете, куда влюбленный юноша должен был записать посвященные даме сердца стихи. Но вместо стихов Николай записал ей в альбом цитату из «Философии духа» Гегеля.

Николай и раньше читал философские книги, но после произошедшего в нем переворота стал

читать их с большей сосредоточенностью. Его мысль питалась не только книжными источниками, он обдумывал прочитанное, и у него иногда рождались мысли, совсем не похожие на мысли авторов, часто противоположные. У Николая уже в юности появилась собственная точка зрения на многие проблемы.

Бердяев по натуре своей был бунтарем. Отмечая эту его черту, в ранней юности ему подарили книгу с надписью «Дорогому протесташе». Он с детства решил, что никогда не будет служить, чтобы никогда не подчиняться никакому начальству.

Неудивительно, что Николай не смог приспособиться к военной дисциплине, — все, что требовало подчинения, вызывало у него бурный протест. Он ненавидел кадетскую форму, не подстригал коротко волосы, старался не встречать генералов, чтобы не становиться во фронт. Он остро чувствовал свою обособленность и не мог стать частью военного коллектива. Именно поэтому у него не было друзей в корпусе. Ему всегда казалось, что товарищи не понимают его. Это отчасти связано с его замкнутостью. Свои мысли он еще пытался выражать, но чувства его оставались скрытыми от окружающих. Это была некая самозащита, защита своего мира от посторонних глаз.

С ним неохотно играли в карты, потому что Николай легко мог прийти в ярость на своего партнера. Все это не способствовало товарищеским отношениям. По сути, он был одинок в корпусе, как и в любом другом обществе, но здесь у него не было возможности выражать себя, и он не хотел и не мог подчиняться кому бы то ни было.

Бердяев, натура тонко и болезненно чувствующая, испытывал некую брезгливость к жизни, как физическую, так и душевную. Он старался с этим справиться, но без особого результата. Брезгливость у него вызывала физиологическая сторона жизни, еда, например. Он был очень чувствителен к запахам, любил духи. Его попытка приятными запахами духов подавить неприятие тех вещей, которые были ему неприемлемы, кажется особенно трогательной, в этом было проявление некой беззащитности, хрупкости его натуры. В то же время он не считал себя эстетом, хотя ему нравились красивые лица, вещи, одежда, мебель, дома, сады. Пятно на одежде или обуви вызывали у Николая Александровича отвращение, и он стремился закрыть глаза, только бы не видеть этого. У него было очень острое зрение. Входя в гостиную, Бердяев сразу замечал все изъяны в лицах гостей, малейший прыщик не оставался им незамеченным. Философскую натуру

очень угнетало, что в мире больше уродства, чем красоты.

Бердяев считал, что не был самолюбивым, утверждал, что почти никогда не обижался, — пробовал, но ему это мало когда удавалось. Состояние большого самолюбия ему было малопонятно, эта черта в людях вообще отталкивала его.

Еще в детстве и юности Бердяев вел борьбу за личную свободу, случалось, делал он это иногда с гневом и яростью. В семье ему всегда удавалось отстоять свою независимость. Он порвал с аристократическим кругом — для него было главным происхождение по духу, всё, что не связано с этим, вызывало у Николая Александровича чувство протеста. Он считал, что все родовое противоположно свободе. Его выход из аристократической среды, оторванность от семьи он объяснял своей безумной любовью к свободе и к началу личности. Род всегда представлялся Бердяеву угнетателем личности, проводником необходимости и подчинения. Поэтому борьба за свободу для философа вначале была борьбой против власти родового над человеком.

Еще до поступления в университет Николай заинтересовался социализмом. Он познакомился с трудами идеолога народнического социализма Николая Михайловского, находил

заслуживающими внимания его идеи, но считал, что философские основы у него слабы. Для Бердяева из всех форм социализма наиболее приемлемой была теория «борьбы за индивидуальность» Михайловского, который, подобно Герцену, защищал индивидуалистический социализм. Конфликт личности и общества представлялся Бердяеву основным вопросом. Пребывая в таких настроениях, он заинтересовался марксизмом. Николай Александрович, как обычно, много читал, и к тому времени уже хорошо ориентировался в марксистской литературе. Он чувствовал, что в русской жизни происходит что-то новое, и ему было необходимо осмыслить свое отношение к происходящему.

* * *

Наступило время, когда Николая должны были перевести в Пажеский корпус. Он должен был жить в Петербурге, у двоюродного брата. Но вместо этого Николай Бердяев начал готовиться на аттестат зрелости для поступления в университет экстерном. Аттестат был получен лишь со второй попытки.

В 1894 году Николай Бердяев поступил на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета Святого

Владимира. В университете он лучше многих других студентов ориентировался в естественных науках. Но в 1895 году Бердяев перевелся на юридический факультет.

Он не только хотел познать истину и смысл жизни, он захотел изменить мир, согласно истине и смыслу. Бердяева не интересовала академическая карьера, он выбрал путь философа, и эта дорога привела его к революции. На первом курсе университета он познакомился с Давидом Яковлевичем Логвинским, учившимся на естественном факультете. Логвинский был единственным, с кем у Бердяева установились товарищеские отношения. Николай находил Давида очень одаренным и выделял его среди других студентов. Особенно интересовало Бердяева общение с Логвинским по социологическим вопросам.

Николай рано почувствовал отчуждение к дворянскому обществу, слишком многое в существовавших нравах того времени возмущало его, слишком многого он, бунтарь по своему духу, не мог принять. Всякое государственное учреждение ему, как человеку крайне впечатлительному, помимо ограничивающего свободу, казалось инквизиторским, чудовищным. Во власти люди перерождались в худшую сторону. Бердяев вспоминал, как один жандармский генерал